

После грозы

1812 год

в исторической памяти России и Европы

Под редакцией Д. А. Сдвижкова
(при участии Гидо Хаусманна)

After the storm

The year 1812

in the historical memory of Russia and Europe

Edited by Denis A. Sdvizkov
(in collaboration with Guido Hausmann)

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2015

**«Ты показал, как русскому
должно умирать за Русь»:
Князь Петр Иванович Багратион
и становление русского
национального героя**

Утром 26 августа 1839 года¹ поэт Василий Жуковский, очевидец событий, вновь приехал в Бородино, чтобы отметить годовщину кровавой битвы 1812 года. Ему пришлось по душе поле — «палата для пирующих», украшением коей стали «монумент Бородинского боя с Багратионовым гробом у подошвы его и бородинские холмы, на которых под жатвою, их покрывающею, спит почти целое войско, здесь погребенное со славою»². В отличие от холмов, памятник и могила лишь незадолго перед тем добавились к ландшафту. Предполагалось, что они будут служить мнемоническим средством передачи значения прошлого настоящему и будущим поколениям. Какое же послание должны были они донести?

¹ Если не указано другое, все даты даны в соответствии с юлианским календарем, который в XIX веке был принят в Российской империи и на 12 дней отставал от григорианского календаря.

² В. А. Жуковский — в. кнг. Марии Николаевне, 5 сентября 1839 г. // *Жуковский В. А. Полн. собр. соч.* В 12 т. СПб., 1902. Т. 12. С. 52.

Настоящая статья посвящена мемориализации фигуры одного из наиболее выдающихся участников этой войны — князя Петра Ивановича Багратиона (1765–1812). Этот процесс шел на протяжении двух веков и продолжается по сей день. Он начался в «долгом XIX веке», эпохе «наций и национализма», когда Россия и другие европейские страны претерпевали «национальные» и «исторические» повороты¹. Но это был и «мемориальный век»². Историки празднований показали, как власти играли ведущую роль в формировании общественного восприятия прошлого в Соединенных Штатах и Европе. Ричард Уортман и Давид Бранденбергер продемонстрировали, что это справедливо и для России в имперский и советский периоды³. В дополнение к рассмотрению ключевых фигур и средств формирования памяти о Багратионе эта работа проясняет цели и следствия мемориализации. Как заметил Джон Гиллис, «идентичности и воспоминания — это не то, о чем мы ду-

¹ Hobsbawm E. Nations and Nationalisms since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990; Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. ed. London, 1991. Chapt. 6; Cooper D.L. *Narodnost' avant la lettre? Andre Turgenev, Aleksei Merzliakov, and the National Turn in Russian Criticism* // Slavic and East European Journal. Vol. 52. N 3. 2008; Schönle A. Heritage Matters: (De-)Mobilizing Monuments and (Mis-)Shaping Identities // Slavic Review. Vol. 71. N 4. 2012. P. 745.

² Dąbrowski P.M. Commemorations and the Shaping of Modern Poland. Bloomington, 2004. P. 3.

³ Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. In 2 vol. Princeton, 1995; Idem. The Invention of Tradition and the Representation of Russian Monarchy // Harvard Ukrainian Studies. 2006. Vol. 28. N 1–4. P. 651–662; Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, 2002; Idem. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941. Stanford, New Haven, 2011.

маем, а то, с помощью чего мы думаем». Как и индивидуальности, воспоминания не существуют в природе отдельно от своих создателей; они скорее являются «отображением или объяснением реальности, более субъективными, нежели объективными феноменами», которые обслуживают «особые интересы и идеологические позиции»¹.

Эта работа не претендует на полноту. Мы сосредоточимся на трех ключевых моментах: «Певец во стане русских воинов» Жуковского (1812); открытие памятника в Бородине и перезахоронение останков Багратиона у его основания в 1839 году; реабилитация памяти о нем веком позже, при Сталине.

Багратион Жуковского. «Арбитр военных конфликтов», защитник Отечества

В элегии «Певец во стане русских воинов» Жуковский преобразил реальность Отечественной войны в то, что Джордж Моссе в ином контексте назвал «мифом военного опыта», с чьей помощью «память о войне преобразуется в священный опыт, который дает народу новую глубину религиозного чувства, предоставляя в его распоряжение неизменный сонм святых и мучеников, места почитания и традицию подражания им». С патриотической поэмы

¹ Gillis J.R. Memory and Identity: The History of a Relationship // Idem. (ed.) Commemorations: The politics of National Identity. Princeton, 1994. P. 3–5.

Жуковского начался процесс национализации смерти Багратиона (и других героев 1812 года) и создания «культы павшего солдата» — важной составляющей в последующих проявлениях «религии национализма»¹, в том числе в России.

В своем произведении «Певец во стане русских воинов» Василий Андреевич Жуковский (1783—1852) создал образ Багратиона, который прошел сквозь века. Здесь необходимо кратко остановиться на интеллектуальном окружении, сформировавшем взгляды Жуковского.

Диалектическое взаимодействие идей имперской и национальной было характерной особенностью наполеоновского периода в Европе. Россия не являлась исключением из этого правила. В первое десятилетие XIX века русская литература под влиянием как внутреннего развития, так и интеллектуальных потоков извне все в большей степени фокусировалась на вопросе национальной самобытности. Так что российское соперничество с наполеоновской Францией оказалось возможным облечь в национальные термины. Эти дискуссии подготавливали почву для дальнейших попыток выстраивать «сценарии власти», основанные на ценностях православия, самодержавия и народности.

Патриотические чувства переполняли членов Дружеского литературного общества, куда входил молодой Жуковский. В речи, названной «О любви к отечеству», А. И. Тургенев вопрошал, является ли любовь к стране добродетелью.

¹ *Massé G. L. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars. N. Y., 1990. P. 7.*

«Посмотрите на ее действия! Если добродетель состоит в великих жертвованиях, если главное свойство ее есть забвение, пренебрежение самой себя для счастья братьев своих, то что же больше патриотизма имеет право на сие титуло? Не им ли одушевляемы были величайшие герои древности, которых память и поныне для нас священная, подобно чистому пламени, восплаляет нас к великим делам, заставляет презирать смерть, дабы или здесь соделать отечество свое благополучным, или в небесах найти другое отечество»¹.

В поэме Тургенева «К отечеству» (1802) «сыны отечества» дают клятву любить и служить не царю, не православию, но «святому отечеству» («Тебя, отечество святое, / Тебя любить, тебе служить — / Вот наше звание прямое!»). Смерть за него есть «счастье», «бессмертие» — награда за это². Перед нами начало русского секулярного, не монархического патриотизма — своего рода русская «Марсельеза», также подрывавшая официальный «сценарий власти». Недаром поэма считается «одним из наиболее популярных гражданских стихотворений начала 1800-х годов»³.

Итак, Жуковский был вскормлен тем, что названо «национальным поворотом в русской критике». Летом 1812 года Жуковский присоединился к Московскому ополчению и стал очевидцем Бородинского сражения, пусть и на рас-

¹ Цит. по: *Литературное наследство. Т. 60. Ч. 1. М., 1956. С. 334.*

² *Тургенев А. И. К отечеству // Лотман Ю. М., Альшиллер М. Г. (Ред.) Поэты 1790–1810-х годов. 2-е изд. Л., 1971. С. 238.*

³ *Brown W. E. History of Russian Literature... Vol. 1. P. 190.*

стоянии. Он написал «Певца во стане русских воинов» в лагере под Тарутином и дорабатывал его по мере того, как разворачивались события. Опубликованный непосредственно после битвы «Певец...» стал первым литературным текстом, увековечивавшим участников сражения, включая прежде всего князя Багратиона. Следствием стала не только мемориализация жертвы князя, но и национализация, создание «культы павшего солдата», который навсегда остался ключевым в официальном русском патриотизме.

«Певец...» вспоминает в поэме имена двадцати пяти «вождей славян» кампании 1812 года. Примерно на середине фокус переключается с живых на мертвых: «кубок сей Вождем, сраженным в бое». Багратион занимает особое место: элегия Жуковского, используя пропуски, повышает градус эмоциональности: «И ты... и ты, Багратион? / Вотще друзей молитвы, / Вотще их плач... во гробе он, / Добыча лютой битвы». Представленный как «решитель бранных споров», Багратион «в область храбрых воспарил, / К тебе, Отец-Суворов». Здесь память о Багратионе связывается с тем, кто был самым русским из русских воинов. Пока образ жертвы Багратиона удерживается в уме читателя, в следующей строфе за воспоминанием появляется поучительное намерение: «“От них учитесь умирать!” — / Так скажут внукам деды»¹.

В «Певце во стане русских воинов» Багратион изображен воплощением как военных, так и национальных

¹ Жуковский В. А. Певец во стане русских воинов // Он же. Собр. соч. В 4 т. Т. 1: Стихотворения. М., 1959. С. 149–152, 157, 159.

русских ценностей. Вожди российского прошлого представлены защищающими страну от иноземцев (*рати ино-племенных*). Русская армия — славянским монолитом (*вся рать славян*), каждый солдат — славянином (*наш каждый ратник славянин*). Темы долга перед царем и религией упомянуты мимоходом, и никакой конкретной династии не упоминается. Вместо этого — долг по отношению к родной земле (*поля, холмы родные*). «Праведная» причина национального возмездия гарантирует победу русских над Наполеоном и его разношерстной армией: «Отведай, хищник, что сильней: / Дух алчности иль мщенье? / Пришлец, мы в родине своей; / За правых провиденье!»¹.

При этом понятия «славянин» и «русский» используются в произведении взаимозаменяемо, тогда как имя Михаила Барклая де Толли в списке почитаемых русских воинов недвусмысленно отсутствует².

Новаторское достижение Жуковского состояло в облечении мотивов и жертвы Багратиона в народные/национальные понятия. «Певец...» Жуковского «вызвал потрясающий всплеск энтузиазма среди всего войска» и был известен «любому образованному русскому [...] наизусть»³. Согласно Ивану Лажечникову, который служил в русской

¹ Жуковский В. А. Певец во стане русских воинов. С. 150, 152, 155, 154, 161, 165, 160.

² Pollock S. 'One Russian to Another': Prince Petr Ivanovich Bagration's Assimilation of Russian Ways // *Ab imperio*. Казань, 2010. № 4. С. 138–141.

³ Wiener L. *Anthology of Russian Literature from the Earliest Times to the Present Time*. In 2 vol. N. Y., London, 1902 (repr.: N. Y., 1967). P. 55; Altshuller M. *The Transition to the Modern Age: Sentimentalism and Preromanticism, 1790–1820* // Maser Ch. A. (Ed.) *The Cambridge History of Russian Literature*. Rev. ed. Cambridge, 1992. P. 124.

армии с 1812 по 1815 год, стихотворение «часто читалось и обсуждалось в военном обществе. Почти все из нас выучили целиком всю песню»¹. При чтении этого произведения сегодня можно поддаться искушению поставить под вопрос его «поэтические качества» или посчитать его образы и темы слишком «ребяческими и некорректными»². Однако современники Багратиона, как писал Лажечников, чувствовали иначе:

«Трогательное сладчайшее воспоминание об Отечестве! Какое сердце, в самом деле, не дрожит, читая сии стихи? Надобно точно быть в удалении от милой родины под непостоянным небом чуждых земель, среди ужасов войны и под всегдашним надзором смерти, чтобы живо чувствовать всю прелесть этих стихов. [...] Какой воин, особенно родившийся под сенью Кремлевских стен, какой воин не воскипит огнем мужества, внимая восторженному сим чувством Певцу? — Неувядаемы цветы, которые бросает он на славные могилы Кульнева, Кутайцева (так! — *Примеч. ред.*) и Багратиона, и стонущие над ними звуки его лиры столько же бессмертны, как и дела их»³.

Лажечников верно определил значение стихотворения для тех дней, назвав его «переломом в русской литературе

¹ Лажечников И. Походные записки русского офицера 1812, 1813, 1814 и 1815 годов. 2-е изд. М., 1836. С. 69.

² Витт W. E. A History of Russian Literature. Vol. 1. P. 206, 208.

³ Лажечников И. Походные записки... С. 70–72.

и сердцах воинов» и предвосхитив тем самым его бессмертное наследие¹. После публикации «Певца...» стало принято начинать статьи, касающиеся тех, кто участвовал в Бородинском сражении, цитатой из этого произведения, как наглядно свидетельствуют выпуски «Русского вестника» и «Сына отечества» за 1813 год. На протяжении последующего столетия другие писатели внесли свой вклад в формирование памяти о Бородине и Багратионе — достаточно вспомнить «Войну и мир» Льва Толстого, а также ряд произведений, опубликованных по случаю столетия сражения². Но как мы заметим в дальнейшем, темы, поднятые в произведении Жуковского, — особенно тема самопожертвования в защиту народа, — будут продолжать звучать в памяти о Багратионе с заметным постоянством, раскрывая силу созданного Жуковским образа.

Празднования годовщины 1839 года: Памятники Бородину и Багратиону

В 1812 году никто не догадывался, что останки Багратиона, умершего в поместье друзей Сима во Владимирской губернии, будут однажды перенесены в Бородино. Идея сделать само Бородино мемориалом в честь воинов, которые сражались и умерли там, была, как известно, подана

¹ Лажечников И. Походные записки... С. 70–72.

² Например: Белькович Л. Князь Петр Иванович. СПб., 1912; Жерве В. Герои 1812 года Барклай де Толли и Багратион. М., 1912.

не властями, а вдовой генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова 4-го Маргаритой Михайловной Тучковой (1781–1852). Щедрое пожертвование Александра I позволило Тучковой в 1820 году основать церковь Спаса Нерукотворного. Позже она переехала в маленький домик рядом с церковью и дала монашеский обет, став первой настоятельницей Спасо-Бородинского монастыря. Монастырь был построен на месте того, что осталось от прославленных Багратионовых флешей, тем самым увековечивая память о том, в честь кого они были названы. Традиционным способом отмечать годовщины сражения здесь стали панихиды и крестные ходы в память о погибших при Бородине. Целью этих служб было «почтить соборными молитвами годовщину великой битвы и упрочить воспоминание о ней в памяти потомства»¹. Православные способы выражения продолжили процесс национализации памяти о Бородинской битве и тех, кто, как Багратион, пал здесь в сражении.

Музеефикация Бородина и национализация смерти Багратиона продолжились в эпоху «официального национализма» при Николае I, который «отождествлял династию с историческими судьбами Российского государства и русского народа»². В 1837 году Бородино и прилегающая территория были куплены в качестве дара великому князю Александру Николаевичу, будущему Александру II, который, в свою очередь, приказал, чтобы эти земли оставались

¹ Спасо-Бородинский монастырь и его основательница. М., 1874 (репр.: Можайск, 1993. С. 32).

² Wortman R. Scenarios. Vol. 1. P. 5, 249; о «народных мотивах» см. также гл. 12 Уортмана.

собственностью старшего наследника трона в роду¹. Так выражение горя и поиск утешения и смысла жизни одной вдовой стали к этому времени частью большого проекта, призванного связать российскую монархию с памятью о русских воинах, сложивших свои жизни за Отечество в 1812 году.

В связи с 25-й годовщиной кампании 1812 года правительство Николая I поручило Академии художеств рассмотреть проекты памятников, где Бородино выделялось особо. Созданный швейцарцем по происхождению Антонио Адамини монумент был сооружен в начале июля 1839 года. Оставалось установить «медную доску князю Багратиону с решеткою вокруг»².

Ранее в том же году, 31 марта, Святейший синод выпустил распоряжение, касавшееся эксгумации и перезахоронения останков генерала Багратиона. Друг и бывший соратник Багратиона, «гусарский поэт» и известный командир партизан Денис Давыдов, который должен был сопровождать останки на всем пути до Бородина, умер прежде, чем смог отдать дань человеку, которого он называл «вождем гомерическим» в своей элегии 1829 года в память о Бородине. Его сменил архиепископ Владимирский и Суздальский, к кото-

¹ Горбунов А. В. Бородинское поле как объект культурного наследия 1939–1999 гг. // *Он же*. (Ред.) Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Мат-лы VIII Всерос. науч. конф. (Бородино, 6–7 сентября 1999 г.). М., 2000. С. 45–46.

² Цит. по: Селеджина С. Н. Изготовление и открытие Бородинского памятника по документам Российского государственного исторического архива // *Целостное Д. Г.* (Ред.) Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы, 1995–1996 гг.: Мат-лы науч. конф. Бородино, 1997. С. 102.

рому в селе Сима присоединились военные и гражданские чиновники. В течение месяца останки в сопровождении священства были переправлены из Владимира в Московскую епархию. «Где бы тело ни останавливалось, — общал митрополит Московский Филарет, — священники под начальством благочинного совершали панихиды утром и вечером [...] с провозглашением вечной памяти военачальнику князю Петру». 24 июля Филарет наблюдал, как гроб был опущен в землю с военными почестями¹.

Около 30 метров высотой, отлитый в форме восьмигранной пирамиды, увенчанной крестом, железный монумент был открыт 26 августа 1839 года. Его грани рассказывали историю российской победы над армией «двунадесяти языков». Имена четырех русских полководцев, которые «умерли за Отечество», были выгравированы на седьмой грани, как и имена командовавших генералов: Кутузова, Баркляя де Толли и Багратиона. Лишь имя Багратиона написано на монументе дважды. Его память заняла особое место в мемориализации Отечественной войны, его жертва была истолкована в национальных понятиях².

Утром того же дня императорские войска заняли свои позиции вокруг монумента. С единственной на поле *могилой* он, «величественно тихий ввиду армии нового поколения,

¹ Этот отчет основан на сообщениях архиепископа Владимирского и Суздальского Парфения и митрополита Филарета Священному синоду (август 1839 г.), цит. по: *Селадкина С. Н.* Изготовление и открытие Бородинского памятника. С. 107–108.

² Описания и фотография монумента есть в работе: *Новицкий Е., Клокачев А.* Бородино 1812–1902 гг. С. 22–24.

казался представителем поколения прежнего, которого воины положили здесь свои головы»¹. Полковые командиры зачитали указ Николая I:

«Ребята! Перед вами памятник, свидетельствующий о славном подвиге ваших товарищей! Здесь, на этом месте, за 27 лет перед сим надменный враг возмечтал победить русское войско, стоявшее за веру, царя и Отечество. [...] Теперь настало время воздать славу великому делу, вечная слава павшим геройскою смертью товарищам нашим, и да послужит их подвиг примером нам и позднешему потомству»².

Внезапно наступила тишина. Крестный ход, несший хоругви и кресты, растянулся от деревни Бородино до монумента, где был размещен алтарь для митрополита. Это было, «как будто бы живые слились в одно безмолвное братство с бесчисленными мертвыми, здесь под землею скрытыми, как будто бы мертвые вышли из праха и, ставши в строй с живыми, вселили в них свое неземное спокойствие». После церковной службы царь подъехал к монументу, салатовал ему и наблюдал за торжественным маршем армии перед монументом. «Чудесное видение» закончилось, но монумент и могила, как и патриотическое стихотворение Жуковско-

¹ В. А. Жуковский — в. кнг. Марии Николаевне, 5 сентября 1839 г. // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 53–54.

² Полностью приказ напечатан: *Новицкий Е., Клокачев А.* Бородино, 1812–1902 гг. С. 20.

го 1812 года, продолжают славить павших русских воинов, в особенности Багратиона¹.

События, окружавшие перезахоронение Багратиона, дали князю Николаю Голицыну почву для размышления о значении жертвы Багратиона. Для Голицына, чья семья владела помещьем, где генерал умер и был похоронен в 1812 году, Россия была обязана Багратиону благодарностью. «Россия никогда не забудет твоих заслуг», поскольку в Бородине «ты показал, как русскому должно умирать за Русь». Для него было очевидно, что все «истинные сыны Отечества» сохраняют память о Багратионе в своих сердцах².

Реабилитация национального героя во время Великой Отечественной войны

Однако Голицын ошибался. Бородино и его памятники были подвергнуты по идеологическим причинам забвению и полному разрушению в 1920–1930-х годах. В 1932 году главный монумент Бородина и место захоронения Багратиона разделили судьбу храма Христа Спасителя в Москве — их сравнивали с землей. Склеп с останками Багратиона был разрушен. Осквернители постарались: Наркомпрос в донесении

¹ В. А. Жуковский — в. кнг. Марии Николаевне, 5 сентября 1839 г. С. 54–55.

² Голицын Н. Б., кн. Перенесение тела князя Багратиона на Бородинское поле. М., 1839.

1937 года заключил, что будет невозможно восстановить монумент и место захоронения. Достаточно разместить мемориальную доску посередине поляны и клумбы с цветами, где когда-то стоял памятник Багратиону¹.

В 1839 году Голицын не мог предвидеть краха царской России и понимать, что национальная память формируется забвением в такой же степени, как и воспоминанием (процесс, который Бенедикт Андерсон назвал коллективной амнезией)². Историки продемонстрировали, что попытки побудить советских граждан «говорить по-большевистски» достигли некоторого успеха в 1920-х — начале 1930-х годов³, а целью советской политики была борьба с «великорусским шовинизмом» и поддержка не русского этнического многообразия⁴. Однако впоследствии, для мобилизации советских масс в годы войны и для легитимации режима в послевоенные годы, в ход пошел «национальный большевизм». В его рамках выделялась табуированная прежде тема патриотизма, особенно *русского* патриотизма и *русского* героизма⁵. Это открыло дорогу для реабилитации и празд-

¹ Горбунов А. В. Бородинское поле — уникальная историческая территория // Зайцева Г. А., Горбунов А. В. Бородинское поле. История, культура, экология. М., 1994. С. 18.

² Anderson B. Imagined Communities. Chapt. 11.

³ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995; См. также: Hoffmann D. L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca, 2003; Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: the Diary of Stepan Podlubnyi // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 44, Heft 4. 1996. S. 233–273; Idem. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, 2006.

⁴ Martin T. The Affirmative Action Empire: Ethnicity and the Soviet State, 1923–1938. Ithaca, 2001.

⁵ Brandenberger D. «...It Is Imperative to Advance Russian Nationalism as the First Priority»: Debates within the Stalinist Ideological Establishment, 1941–1945 //

нования российского *героического* прошлого и русских *героев*, включая Багратиона.

Реабилитация Багратиона началась уже в 1938 году. Именно тогда в свет вышла ныне ставшая библиографическим раритетом написанная Семеном Борисовым биография «Багратион», рецензия на которую была помещена в «Красной звезде»¹. Однако вплоть до книги Сергея Голубова «Генерал Багратион» в 1943 году не было очевидно, что памяти Багратиона возводится новый «монумент». Из того, что последний роман был выпущен государственным издательством детской литературы, можно предположить, что он преследовал дидактические цели: подготовить советских граждан, и русских в особенности, к тяжелому испытанию войны, рассказывая историю о прошлой Отечественной войне и таким образом взывая к их патриотическим и даже национальным чувствам. Главная идея книги — любовь русских к стране и готовность за нее умереть. Учитывая то, что было сказано выше об особом месте Суворова в мемориализации Багратиона, неудивительно, что упоминания о Суворове появляются на всем протяжении текста.

Многие из тем и образов книги были предвосхищены патриотическим стихотворением Жуковского 1812 года,

Suny R. G., Martin T. (Ed.) A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Oxford, N. Y., 2001. P. 275–300; *Idem*. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge (Mass.), 2002; *Idem*. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941. Stanford, New Haven, 2011.

¹ Борисов С. Багратион. М., 1938. Рецензия: Левитский Н. Багратион // Красная звезда. 1938. 22 ноя., цит. по: Ростунов И. И. П. И. Багратион. М., 1947. С. 6, примеч. 1.

а возможно, и появились под его влиянием. Тема национального отличия от армии противника подчеркивается на всем протяжении романа. Около 25 000 «итальянцев» «перешли Неман [на территорию России] в безупречном порядке». «Но, — отметил один из генералов Наполеона, — не было в них духа. Не было воодушевления, не было песен, ни душевного подъема в ожидании сражения». Пока некоторые командиры Наполеона самонадеянно считали, что «русская охота на медведя» позволит их императору всего за месяц «разделить его шкуру», другие предчувствовали чудовищные испытания впереди, «на землях далекой, враждебной и загадочной страны»¹, когда русские будут иметь все преимущества защиты своего Отечества.

В романе рассказчик представляет Багратиона если не «богом рати», как у Державина, то во всяком случае как любимого армией военачальника: «все были беззаветно преданы своему главнокомандующему» и «просто рвались по первому знаку Багратиона в воду и огонь». На всем протяжении романа Багратион представлен как отец солдат. В письме брату, который служил в армии противника, итальянец — камердинер Багратиона — объясняет, что, несмотря на происхождение от Вахтанга, царя Картли в восточной Грузии, Багратион «придерживается той благородной простоты прямого обращения, которая свойственна только военным людям». Рассказывая о вечере 1811 года, автор письма вспоминает, как Багратион говорил гостям:

¹ Голубов С. Генерал Багратион. М., 1943. С. 4–7.

«Не феномен этот страшен [пролетающая комета], а то, чего вся Россия ждет. [...] Други! Отечество наше в опасности. Не нынче — завтра бросится на нас Наполеон. Война неминуема, свет не видал подобных войн».

С намернувшимися от слов Багратиона слезами отставной генерал отвечает:

«Слушаю вас, а слышу Суворова. [...] По образу и подобию великого россиянина созданы вы, новый герой наш [...] Суворов — отец русской славы, вы — сын ее. Где Багратион, там победа. [...] Ваше сиятельство! Оборони... оборони Россию, князь!»¹

В этом месте и на всем протяжении романа Багратион олицетворяет русский народ. Понятным образом из этого военного призыва убрано любое упоминание о царе или религии как объектах любви. Вместо этого внимание акцентируется на долге по отношению к Родине и ответственности за ее защиту и славу русских воинах прошлого и настоящего. Не следует забывать, что в месяцы, предшествовавшие Бородинскому сражению, Багратион сам облек конфликт в национальные термины, с помощью которых

¹ Голубов С. Генерал Багратион. С. 10, 14, 16, 20. Интересно, что в переводе романа Дж. Файнберга (*J. Fineberg*) 1945 г. за словами «Война неминуема — война, подобие которой мир никогда не видел» идут следующие слова: «Свобода нашего народа, чистота нашей святой русской души, все будет поставлено на карту!» См.: *Golubov S. No Easy Victory: A Novel of General Bagration and the Campaign of 1812* / Trans. J. Fineberg. London, [1945]. P. 18.

Россия и русские противопоставлялись своим нерусским врагам, как внешним, так и внутренним¹. Из этого еще не следует, что к августу 1812 года Багратион повернулся спиной к своему монарху и к своей вере — Багратион не был Робеспьером, — но можно предполагать, что тенденциозное переложение прошлого Голубовым могло иметь некоторое основание в источниках, относящихся к жизни Багратиона и его последующей мемориализации.

Реабилитация Багратиона продолжилась после публикации романа Голубова. На следующий год Красная армия провела наступательную операцию «Багратион», в результате которой немецкие силы были отброшены из Белорусской ССР и восточной Польши. В 1945 году Голубов опубликовал сборник документов и материалов, касающихся Багратиона²; его роман впоследствии переиздавался несколько раз. В работах других авторов фигура Багратиона оставалась поводом для размышлений о России и русских:

«Грузин по происхождению, Багратион был искренним патриотом России. Любя родную Грузию, князь Багратион любил русский народ, любил и понимал русского солдата, любил и прекрасно знал — в отличие от многих русских офицеров своего времени — русский язык, ценил силу и мощь Русского государства»³.

¹ *Pollock S. As One Russian to Another*. С. 133–142.

² Голубов С. Н., Кузнецова Ф. Е. (Ред.) Генерал Багратион: Сб. док-тов и мат-лов. Л., 1945.

³ Палазин И. И. П. И. Багратион. М., 1948.

Итак, Багратион стал важной фигурой советского мифа о «дружбе народов» и оставался таковой до конца советского периода.

Выводы

Тема настоящей работы тесно переплетается с моей более ранней статьей, где исследовалась «русификация» князя Багратиона в 1812 году¹. Используя в основном переписку военного времени между политиками и военными, я показывал, что война обостряла чувство собственной национальной принадлежности ее участников и аналогичные представления о других. Так, ко времени Бородинского сражения Багратион выражал чувство своей собственной русскости, которое подчеркивало долг по отношению к стране и царю, приверженность русскому православию, защиту православных земель и близость русской культуре — включая то, в чем он, как и многие другие, видел русскую манеру воевать, олицетворенную в Суворове. Свойственное Багратиону понимание того, что значит быть русским, не включало тех российских подданных, в том числе принадлежавших к его классу, в которых он отмечал отсутствие одного или нескольких из перечисленных качеств. В случае Барклай де Толли, соперника Багратиона в кампании 1812 года, это, очевидно, остзей-

¹ Pollock S. As One Russian to Another...

ское происхождение министра, лютеранство, предпочтение немецкой культуры, включая язык, и его фабианская, выжидательная тактика ведения войны. В настоящей статье предпринята попытка показать, что национализация Багратиона продолжилась после его смерти и к ней было причастно множество лиц из разных сфер культуры. И в Российской империи, и в Советском Союзе с 1930-х годов память о Багратионе была связана с представлениями о России и о русских национальных путях, конкретные определения которых изменялись. В 1812 году русские патриоты подчеркивали долг по отношению к стране, но также к царю и к православной вере. Никто в России тогда, сколько я могу судить, не заходил так далеко, как прусский реформатор барон фон Штейн, который объявил после альянса прусского короля с Наполеоном династии «совершенно неважными» для жизни нации¹. Багратион никогда не заходил так далеко. В советский период монархическое и религиозное измерения русского патриотизма были исключены из нарратива, нацеленного на мобилизацию масс. Но история жизни и смерти Багратиона тем не менее оставалась в своих основных отношениях *национальным* достоянием, в ней подчеркивалась русскость генерала и всех тех, кто представлялся преданными государству.

Очевидно, что в России был свой миф военного опыта и культ павшего солдата. В «Певце во стане русских во-

¹ Цит. по: Chaliand G. Foreward // Clausewitz C. von, General. The Campaign of 1812 in Russia. London, 1843 [repr.: Watertown (Mass.), 1996]. P. x.

инов» Жуковский соединяет скорбь по павшим солдатам («Запьем вином кровавый бой / И с падшими разлуку») с гордостью за их жертву («И честь вам, падшие друзья!») во имя благородной цели защиты «родины святой». Тем, что имя Багратиона приводится последним в списке «павших друзей» русских солдат, что его память связывается с памятью о Суворове, что в следующей строфе («От них учитесь умирать! / Так скажут внукам деды») заложена дидактическая цель воспоминания, Жуковский оправдывал жертву Багратиона и обещал ему жизнь после смерти («Есть жизнь и за могилой»). Как мы видели выше, память о Багратионе занимала важную часть в церемониях, связанных с празднованием годовщины Бородинского сражения в 1839 году. Жертва Багратиона (как и других павших солдат) была представлена в национальных терминах («умерли за Отечество»), и на его примере показывалось, «как русскому должно умирать за Русь!». Подавленные по идеологическим причинам в 1920-х и начале 1930-х годов, тема жертвы ради государства и память о Багратионе (как и о других полководцах царского времени) были вскоре реабилитированы для того, чтобы мобилизовать советский народ для новой *Отечественной войны*.

Невозможно предсказать, какое применение будущее поколение в России найдет для памяти о Багратионе. Ясно одно: несмотря на революционные перевороты и идеологические изменения, память о нем часто использовалась для защиты национальных идеалов России и русских. Пригодился даже внешний облик генерала — память о нем

стала брендом для продажи местных изделий, например кизлярского коньяка, на этикетках которого заявляется, что Багратион — самый известный уроженец этого города¹. Очевидно, что память о Багратионе — национальном герое — запечатлена в русском самосознании. Похоже, сбылось предсказание князя Николая Голицына после перезахоронения останков Багратиона в 1839 году: «Россия никогда не забудет твоих заслуг»².

¹ См. интернет-сайт Кизлярской коньячной фабрики: <<http://kizhar-cognac.ru/>> (20.05.2012).

² Голицын Н. Б., кн. Перенесение тела Багратиона... С. 12.